

Организации и рынки в истории человечества

История человечества дает нам многочисленные примеры господства института организации в макросоциальном аспекте. Рынки в своей локальной форме до недавнего времени всегда оказывались «под» государством как организацией. История последних двух столетий говорит нам о том, что наиболее обычной естественной ситуацией является та, при которой человек живет не в «мире-организации», в «мире организаций». Организация в ее корпоративной ипостаси стала наиболее эффективным инструментом прогресса. Организации индустриальной эпохи составляли один из наиболее значимых элементов социального окружения, в рамках которого развивался человек. Детские сады и школы заменили гувернеров и частных преподавателей. Поликлиники и больницы оттеснили частных врачей, которые еще не так давно (по историческим меркам) представляли собой основу медицинского обслуживания населения. Даже досугом человека стали все большей мере распоряжаться различные организации – клубы по интересам, развлекательные центры, музеи, театры и др. Личность человека стала формироваться на основе пересечения сфер влияния самых различных организаций. При этом «организационный» стиль жизни, «организационное» восприятие действительности вошли в глубинную структуру ментальности современного человека. Построение карьеры стало мыслиться как смысл жизни, часто полностью замещая в сознании людей потребность в творчестве. Формализованные отношения между людьми стали представляться более значимыми, чем неформальные, общинные связи.

Сама структура социально-экономического пространства индустриального общества заставляла людей видеть в организации важнейший инструмент реализации своих идей. Чаще всего человек не мог обозначить свою значимость в мире, не будучи руководителем крупной, подчиненной его воле организации – будь то компании, партии, государства, армии и т.п. Только на вершине пирамиды власти, образуемой организацией,

он чувствовал себя свободным и способным к самореализации. В сфере экономики, крупные организации, связанные с массовым производством (автомобильные гиганты с конвейерной технологией, супер- и гипермаркеты, рестораны быстрого питания и др.) во многом сформировали предпочтения людей, а их руководители навсегда вписали свои имена в историю бизнеса XX века.

В середине XX века индустриальная эпоха безмерно расширила влияние организаций на жизнь отдельных людей и общества в целом.. Будь то в Советском Союзе, будь то в Соединенных Штатах (двух антиподах тогдашнего мира) люди жили прежде всего в организациях, служили им и становились людьми организации. Неслучайно, что именно в это время в США выходит популярная книга со знаменательным названием: «Человек организации». Люди организации не мыслили себе жизни без построения карьеры, должность в организации был для них синонимом общественного статуса. «Они – важнейшие члены нашего общества, - писал автор упомянутой книги У.Уайт, - и именно их ценности определяют американский характер»¹. Выполнение приказа для человека организации мыслилось как незыблемая норма, а где-то и смысл жизни. Ограничения свободы человека мыслились как благо – слишком многое он, казалось, получал взамен. «Одно из благ жизни в большой организации – это то, что искания можно оставить в стороне. Вместе с работой приходят деньги, положение и ощущение значимости. Продавая свое время корпорации, подсознательно принимаешь ее определение успеха, по крайней мере на время работы там....»². Организация на короткое время расцвета индустриального общества стала его важнейшим институтом. В XXI веке от понимания жизни человека как обязательно сопряженной с организациями, их функционированием, их ценностями постепенно приходится отказываться.

Будущая постиндустриальная цивилизация уже сегодня проявляет себя в некотором общем падении роли организаций. В условиях развития

¹ Whyte W. H. The Organization Man. – Gaarden City, 1956. – P.3

² Хэнди Ч.Слон и блоха: Будущее крупных корпораций и мелкого бизнеса/ Пер. с англ. – М., 2004ю – С.19

процесса глобализации экономики и культурной жизни явно уменьшается значение национальных государств как типичных, четких и стройных организаций. Развитие телекоммуникационных сетей дает возможность множеству людей меньше времени проводить в организациях. Доля людей, большей частью работающих на дому, начала заметно расти. В индустрии высоких технологий и в непроизводственной сфере все большее значение приобретают проекты, а не организации.

Постиндустриальная социально-экономическая реальность самым существенным образом изменила соотношение между организацией и рынком как институтами человеческой деятельности. Глобализация поставила вопрос о новом соотношении реальных воплощений двух типов поведения, управляемых противоположными группами правил. Вполне очевидно, что развитие систем телекоммуникаций и глобального рынка усилило возможности осуществления рыночных принципов поведения. Этот объективный процесс сопрягается сегодня с немалыми субъективными усилиями, предпринятыми адептами неолиберализма как на уровне теории, так и на уровне реальной политики. Таким образом, те сферы деятельности, и те начинания, которые еще не так давно требовали организационного оформления, сегодня осуществляются рынком.

Самое главное изменение произошло в глобальной экономике. Если для индустриального мира на макро-уровне было характерно господство организации как института, выражавшееся в доминировании государства над национальным рынком, в постиндустриальном обществе глобальный рынок заметно сузил возможности отдельных национальных государств регулировать социально-экономические процессы. Возникновение и постоянное усиление наднационального уровня экономики происходит именно в форме доминирования рыночных отношений.

Индустриальное общество

**Постиндустриальное
общество**

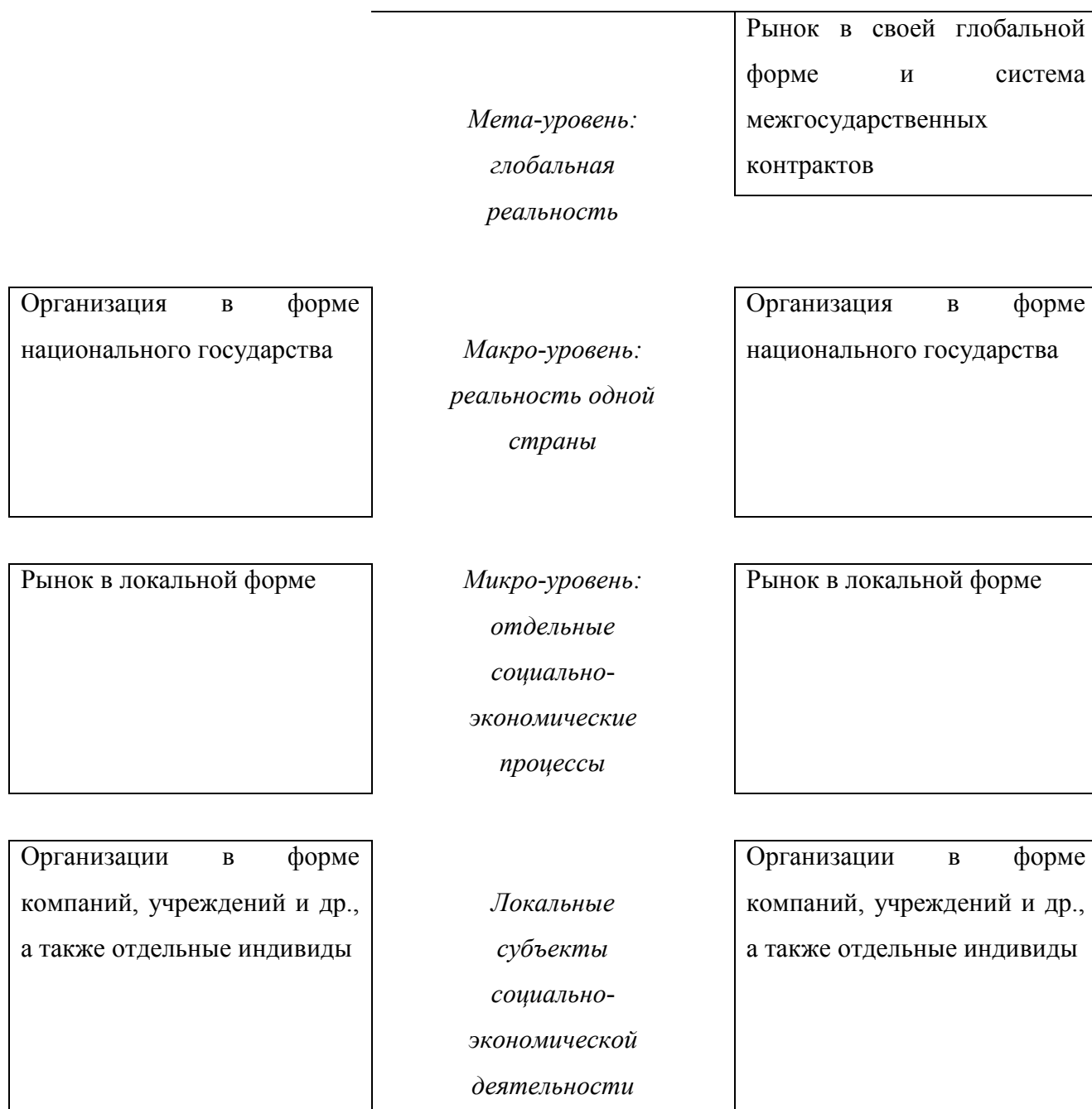

Рис.4.1 Изменение соотношения организационных и рыночных элементов в постиндустриальном мире

Следует обратить внимание на то, что само по себе наднациональное развитие экономических процессов является объективной реальией сегодняшнего дня. Оно предсказывалось многими на протяжении предыдущих столетий и явилось результатом длительной естественной эволюции мировой экономики, за которой в первую очередь стоял прогресс

технологии, позволивший производить экономические трансакции, не взирая ни на какие географические границы. Такое технологическое развитие определило феномен «сокращения пространства и времени», при котором каждый человек легко ощущает себя гражданином земного шара. Телефон, факс, Интернет, скоростные самолеты и поезда – все эти элементы современного высокотехнологичного мира определили становление и постоянное усиление наднациональной экономической, политической и социальной реальности. Этот уровень условно можно назвать метасоциальным в противоположность традиционному макросоциальному уровню, ассоциировавшемуся в первую очередь с обществом в границах определенного государства.

Если мета-уровень реально существует и за этим существованием стоят объективные технологические причины, то его возможное функционирование может осуществляться согласно правилам либо организации, либо рынка. Используя известный термин американских авторов³, можно задать вопрос: *почему мета-уровень оказался «мета-капитализмом»?* Организационные принципы оформления наднациональной общественной реальности подразумевают создание всемирного государства. Такое государство как организация должно как бы «нависнуть» над глобальным рынком и регулировать его прежде всего с помощью некоторых законодательных актов по примеру того, как это делало традиционное государство по отношению к национальному рынку. Причем, сегодня во многих областях социальной и экономической жизни существует объективная потребность в наличии единых планетарных органов власти. Простой пример, это регистрация торговых знаков. Вплоть до сегодняшнего дня такая регистрация происходит на национальном уровне. При этом если еще 20-30 лет назад существование на Земле множества фирм и товаров с одинаковыми названиями в разных странах не ощущалось как серьезная проблема, в настоящий момент с развитием Интернета и электронной

³ Минс Гр., Шнайдер Д. Метакапитализм и революция в электронном бизнесе .какими будут компании и рынки в XXI веке/ Пер. с англ. – М., 2001

коммерции все чаще встает вопрос о необходимости глобального наведения порядка в данной сфере. Создание единого патентного ведомства как некоторой планетарной организации может считаться наиболее простым выходом из создавшегося положения. Однако этого не происходит и фирмы регулируют свои проблемы на основе законов об известности товарных знаков, которые по сути своей представляют некую рыночную конструкцию, основанных на системе соглашений между странами.

В глобальной экономике достаточно четко просматривается необходимость создания некоторого единого антимонопольного органа, способного регулировать международные картельные соглашения или компании, ставшие монополистами на планетарном рынке. Однако и этого не происходит.

Еще одна область современной глобальной жизни – борьба с международным терроризмом – также по своей структуре предполагает создание некоторых всемирных силовых органов, построенных согласно законам института организации. И сколько мы бы не перечисляли подобные примеры, которые вроде бы должны были бы служить основой движения мира к организационной форме регулирования глобальных социально-экономических процессов, в каждом конкретном случае вместо организации в реальной практике мы обнаружим рыночные системы, основанные на контрактах и не позволяющие использовать приказ как инструмент управления.

Создаются временные коалиции, заключаются международные соглашения. Наконец возникают сетевые структуры (типичным примером является «большая восьмерка»), но никому в голову не приходит наделить некоторую структуру, типа ООН, организационными функциями, полномочиями отдавать приказы национальным правительствам и корпоративным организациям по всему миру с целью рационализации и некоторой унификации социально-экономических процессов в глобальном масштабе.

Как можно объяснить подобную ситуацию? Почему организация сегодня оказывается слабее рынка? Именно в процессе объяснения такого положения вещей в качестве одного из веских аргументов всплывает засилье неолибералов с их абсолютизацией рыночных принципов развития общества. Но насколько сильным является такой аргумент? Апелляция к «темным силам» способна объяснить самые сложные социальные трансформации. Но в данном случае существуют и более объективные аргументы. В современном мире как у правящих элит, так и у простых людей изменился стиль мышления. Неолиберализм лишь отразил данное изменение и, может быть, явился известным катализатором мысли в заданном направлении, но он не явился единственной и исчерпывающей причиной данного явления.

Стоит вспомнить, что даже в рамках региональной интеграции организационные принципы серьезно ограничиваются. Лучшим примером в этом смысле служит Евросоюз. В принципе многие стороны жизни объединенной Европы требуют создания единых министерств и ведомств, способных реализовывать свои инициативы, не взирая на национальные границы и органы власти, сообразуясь с принципами института организации. Однако же ни одного такого центрального министерства создано не было. Даже в тех сферах, где европейцы десятилетиями использовали организационные принципы экономической деятельности – естественные монополии – при объединении они стали создавать рыночные структуры, основанные на искусственно внедренной в данные отрасли конкуренции. Это происходило и с железными дорогами, и связью, и электроэнергетикой. Очень многие принципы, в соответствии с которыми функционируют сегодня в Европе эти отрасли, можно действительно назвать неолиберальными. Реализации данных принципов потребовала огромных усилий и нахождения множества творческих нестандартных решений. Вполне возможно, что создание гигантских всеевропейских ведомств с чисто организационной (в данном случае этот термин употреблен в своем обыденном значении) точки зрения было бы значительно проще. И, несмотря

на это, рынки заменили собой естественные монополии как одни из наиболее последовательных воплощений института организации. Даже слабые попытки создания государственной наднациональной организации в Евросоюзе сталкиваются с мощным сопротивлением, причем не только на уровне национальных элит, но и простых людей. Об этом ярко свидетельствует ситуация с одобрением, а точнее «неодобрением» европейской конституции, которая хотя бы внешне уподобила наднациональные структуры классическому государству.

Если неолиберализм и создал нечто подобное идеалу рынка как института, то его реализация в ряде случаев оказалась весьма успешной. А если это так, то мы имеем дело с чем-то большим, чем утопия. Самое главное, что доминирование рынка согласуется как с принципом эффективности (если бы рынки, заменившие организации всегда были бы значительно хуже – от них бы быстро отказались), так и со стилем мышления постиндустриальной эпохи. Причина изменения стиля мышления как правящих элит, так и множества людей кроется в сложных и многообразных социально-экономических процессах последних десятилетий, вызвавших некоторое общее неудовлетворение институтом организации или, по крайней мере, нежелание расширять его границы (см. параграф об организационном и рыночном сознании). Неолиберализм как отдельная идеология, даже и весьма могущественная, не мог сам по себе произвести такие серьезные перемены. Он идет в ногу со временем, где-то ускоряя процесс перемен, где-то вызывая сильное раздражение, но не он явился первопричиной доминирования рынка над организацией в глобальной общественной реальности.

Кроме того, следует заметить, что возможность доминирования организации на мета-уровне социально-экономических отношений представляется весьма опасной и рискованной альтернативой. Как уже говорилось, организация всегда таит в себе тенденцию к стагнации. Организации – это не саморазвивающийся институт. Тем самым воцарение

организации как высшего института на планете может самым существенным образом затормозить развитие человечества. Организация представляет собой хороший инструмент достижения целей в краткосрочной перспективе. И фирмы, и целые экономики, построенные по принципу организации, традиционно хорошо решают ограниченное число поставленных задач за относительно короткое время. Так было и с крупными корпорациями, когда они росли, так было и с советской экономикой в 1930-50 годы и чуть дольше, когда основой успеха были чисто военные победы. Долгосрочное развитие организаций всегда стимулируется извне. Если таких стимулов нет, начинается процесс торможения и некоторый внутренний застой.

Если на Земле все-таки образуется всемирное государство, резонно предположить, что первые десятилетия оно будет радовать человечество рядом побед на вполне понятных направлениях (в экологии, противостоянии международному терроризму, развитию здравоохранения, борьбе с бедностью и ряда других). Затем с неминуемостью наступит застой, и всемирная бюрократия ляжет тяжелым бременем на экономику и социальную сферу планетарной цивилизации. Всемирному государству не с кем будет конкурировать, внешних стимулов к его развитию не существует.

В силу вышесказанного организация глобального порядка по рыночным законам представляется наилучшим направлением развития человечества. Если мата-уровень социально-экономической реальности существует, пусть лучше он будет рынком, чем организацией. Сегодняшние анти-глобалисты, активно борющиеся с издержками наднационального рынка и «вскрывающие» темные силы, которые за ним стоят, не могут представить, что будет на планете, если глобальный уровень взаимодействия людей организовать по альтернативному пути. Издержек будет значительно больше. Скрытые темные силы станут явными, и бороться с ними будет практически невозможно. Рынок в этом плане хорош тем, что его спонтанное развитие всегда несет в себе элемент случайности и неожиданности. Такие элементы могут быть как плохими, так и хорошими. Современный

однополярный мир, столь многими справедливо критикуемый, но существующий в рамках законов рынка, вполне возможно, измениться. Такой потенциал всегда есть. Долго удерживать лидирующее положение в рамках рыночной системы будет сложно даже такой всемогущей стране, как США. Если же на земле возникнет единое государство, мир по определению будет однополярным навсегда. И надежд на его изменение совсем не останется.

Подробное рассмотрение этих гипотетических и в каком-то смысле даже «схоластических» вопросов в рамках настоящего исследования неслучайно. Утрата привлекательности институтом организации во многом связана именно с тем, что сегодня отчетливо видны лимиты его использования. Если человечество вполне резонно не хочет видеть организацию своей жизни на глобальном уровне в организационной форме, то сила организационных принципов оказывается весьма ограниченной. В рамках индустриального общества могущество и цельность национальных государств служила как раз одной из причин широкой реализации организационных принципов в различных сферах жизнедеятельности. Но время таких государств прошло, и с ним ушел в прошлое «эмоциональный приоритет» организации как института.

При общей констатации явного сокращения влияния института организации в постиндустриальном обществе в связи с процессом глобализации и падением роли национальных государств необходимо обратить внимание на то, что хотя и в измененной форме баланс между институтами организации и рынка сохраняется. Мир не может быть полностью подчинен рыночным законам. Организация как совокупность правил всегда найдет себе нишу для реализации. В современных условиях наиболее значимой нишей такого рода, несомненно, являются многонациональные компании (МНК). При том, что они, как было показано ранее, в немалой степени впустили в себя элементы рынка и не являются воплощением чисто организационных принципов функционирования,

несомненно, организационная оболочка всех видов экономической и социальной активности МНК является их главнейшим элементом.

Если индустриальное общество виделось прежде всего как социум, основанный на балансе организации в форме национального государства и локального национального рынка, то постиндустриальное общество предстает как баланс между глобальным рынком и организацией в форме многонациональных компаний. При этом данные компании все в большей мере берут на себя те функции, которые ранее выполнялись государствами. Как и любая организация, МНК стремится к монополизации и самодостаточности. МНК создают свои образовательные системы, транспортные сети, телекоммуникационные системы (Инtranет) и многое другое, что ранее служило атрибутом государства. МНК обрастают социальными функциями, учреждая пенсионные фонды, специальные программы здравоохранения, вкладывая деньги в рекреацию своих служащих. Но эти внешние явления служат лишь проявлением глубинного сходства между МНК и государствами, основанного на том, что и за теми и другими стоят своеобразные культуры. Для государства вполне естественным является забота о сохранении национальной культуры, да и в многонациональных государствах ориентация на сохранение уникального сочетания культур встречается достаточно часто. Иногда правительство бывает озадачено амбициозной целью изменить культуру народа, что часто наблюдается в революционные времена, но так или иначе государство всегда связывало различные направления своей деятельности – экономическое, военное, информационное и др. – с культурными ценностями. Собственно именно поэтому так болезненно многими правительствами воспринимается процесс глобализации, который разрушает особую конфигурацию ценностей той или иной отдельной культуры. Сегодня наряду с национальными культурами в глобальном социальном пространстве не менее важную роль начинают играть культуры организационные. Многонациональные компании

именно в создании устойчивой и своеобразной культуры видят предельную цель своего существования.

В постиндустриальную эпоху происходит две разнонаправленные трансформации компаний. Приоритетом их создания и развития становится создание культурных ценностей, создание устойчивых институциональных факторов внешней среды. В этом плане чисто экономические цели – получение прибыли и расширение доли рынка – отходят на второй план. Свою миссию компании видят прежде всего в некотором «социальном служении», а не в деньгах. И это вопрос не только формулировки глобальных целей организации и попыток понравиться обществу, в таком отношении к фирме скрыт базовый смысл развития института организации в современных условиях. Как отмечает В.Л.Иноземцев: «...группы нематериалистически ориентированных людей, которые... не ставят своей целью присвоение вещного богатства, обретают реальный контроль над процессом общественного производства»⁴. Вторая трансформация связана с масштабами деятельности. Сегодня большинство компаний стремятся стать глобальными, выйти за пределы локальных рынков. Отнюдь не у всех это получается, и, учитывая культурные приоритеты развития организаций, можно констатировать наличие множества удачных локальных ниш для современных компаний. Культурные ценности можно создавать и на локальных рынках, значение таких ценностей не меньше, а, может быть, даже и больше, чем глобальных (см. Рис. 4.2).

⁴ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. – М., 1999. – С.85

Рис. 4.2 Эволюция корпоративных организаций в постиндустриальную эпоху

Организационные культуры, прежде всего комплексы маркетинга, различных компаний все в большей степени создают глобальную культурную среду. В настоящее время нельзя сказать, что МНК распространяют какую либо особую национальную культуру, хотя очень многим на поверхности видится американизация национальных культур. Но на самом деле МНК творят особое культурное пространство, особый глобальный культурный контекст, в рамках которого ценности, образованные в различных национальных культурах, могут найти свое место.

В этом смысле постиндустриализация деятельности компаний выражается прежде всего в изменении представлений о целях деятельности организации. Если ранее финансовая цель – прибыль – считалась основной и даже исчерпывающей, сегодня такой целью все в большей мере становится

создание особой культуры как внутри фирмы, так и в ее внешнем окружении. Как уже говорилось ранее (см. 2.5), организационная культура, представляет собой синтез внутренней корпоративной культуры и имиджа компании, особенностей ее воздействия на широкие аудитории. Организация как институт принципиально важна с точки зрения создания культурных ценностей. Рынок сам по себе таких ценностей создавать не может, он скорее представляет собой идеальное пространство для обмена культурными ценностями, однако его спонтанность и хаотичность социально-экономических процессов в нем, не дают возможности говорить о целенаправленном творении культуры с помощью чисто рыночных принципов.